

ДМИТРИЙ МАРР

ЗВЕЗДА

18+

Дмитрий Марр

Звездочет 1. Звезда

«Автор»

2026

Март Д.

Звездочет 1. Звезда / Д. Март — «Автор», 2026

В промозглом ноябре Москва содрогается от возвращения настоящего зла. Три года назад таинственный убийца по прозвищу Звездочёт оборвал жизнь отца следователя Михаила Россинского, оставив ритуальный символ — полумесяц и звезду. И теперь он вернулся, чтобы продолжить кровавую жатву. Параллельно в городе орудует другой монстр — убийца разведённых женщин. Каждая его жертва умирает «чисто», рядом с телами находят фигурки ангелов. Он считает себя «спасителем», избавляющим несчастных от страданий. Михаил Россинский, одержимый жаждой мести, встаёт на след двух убийц. Один из них — личный враг, другой — загадочный «филантроп» с извращённым чувством справедливости. В мире, где полумрак скрывает тени, а символы несут смерть, Россинский должен разгадать головоломку, пока не стало слишком поздно. Сможет ли он остановить кровопролитие и не потерять себя? Или древнее зло поглотит его целиком?

© Март Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полумесяц на ржавом железе	5
Глава 2. Тени прошлого	11
Глава 3. Те, кто говорит с мёртвыми	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Марр

Звездочет 1. Звезда

Глава 1. Полумесяц на ржавом железе

Ноябрьская Москва задыхалась в собственной слякоти. Серое небо, похожее на старую простыню, натянутую над городом, сочилось холодной моросью. На улице Хавской, у дома 26, ветер гонял по асфальту ошметки грязного снега, который выпал ночью, но к утру уже превратился в кашу под колёсами машин. Здание отдела полиции, где располагался и кабинет Следственного комитета, выглядело так, словно его построили специально для того, чтобы здесь никто не улыбался. Серый прямоугольник с облупившейся штукатуркой, решётками на окнах первого этажа и вечно хлопающей входной дверью, которую уже год обещали починить. Табличка с номером дома висела криво — кто-то задел плечом, и с тех пор она смотрела в землю, будто стыдясь своей принадлежности к этому месту.

В кабинете на третьем этаже Михаил Дмитриевич Россинский сидел, закинув ноги в растянутых спортивных штанах на угол стола. Чёрная ткань штанов уже давно выпцвела до состояния неопределённо-тёмного цвета, на колене красовалась дыра, которую он не собирался зашивать принципиально. Свитер, такой же чёрный, с вытянутым воротом, свободно болтался на его худощавом теле. Единственное, что выглядело дорого и основательно — длинное чёрное пальто из плотного сукна, которое сейчас висело на спинке стула. Его Михаил носил поверх всего этого спортивно-свитерного безобразия, и на выездах выглядел почти прилично. Почти. Потому что из-под пальто всё равно торчали штаны с пузырями на коленях, а на ногах были стоптанные кроссовки, которые помнили ещё студенческие времена.

В руках Михаил держал термос — старый, советский, с эмалированным корпусом цвета хаки. Из горлышка поднимался пар, пахнувший зелёным чаем. Хорошим, крупнолистовым. Не пакетики, упаси боже. Михаил презирал пакетированный чай так же искренне, как наркоманов и дураков на допросах.

— Ты бы хоть переоделся, — заметил Пётр Бабочкин, сидящий напротив с ноутбуком. Его пальцы бегали по клавиатуре с какой-то механической скоростью, а глаза за толстыми линзами очков шурились в экран. Петр был из тех людей, кто мог найти иголку в стоге данных, но при виде настоящей иглы, входящей в человеческую плоть, падал в обморок. Худой, как велосипедный насос, вечно в клетчатой рубашке навыпуск, с пятнами от кофе на рукавах. Ему было тридцать, но выглядел он на все тридцать пять — работа с базами данных старит быстрее, чем курение. — Начальство же. Сегодня пятница. Громов будет обход делать.

Михаил сделал глоток чая, причмокнул и посмотрел на Петра с той особенной смесью превосходства и снисхождения, которую он отточил до уровня искусства.

— Петя, ты всерьёз думаешь, что полковника Громова волнует мой внешний вид? Его волнует раскрываемость, отчёты и его пятничный обед в рыбном ресторане. — Михаил опустил ноги на пол и подкатился на стуле поближе к столу. — Кстати, который час?

— Половина десятого, — пробормотал Пётр, не отрываясь от экрана.

— Отлично. У меня есть примерно час до того, как Илья Сергеевич начнёт нервно поглядывать в сторону двери, а через два с половиной часа он отправится жрать свою дорадо под сливочным соусом. — Михаил откинулся на спинку стула. — И вот тогда, Петя, вот тогда можно будет попросить у него подпись на продление сроков по делу Васильева. Сытый Громов — добрый Громов. Биология, мать её.

В углу кабинета раздался звук открываемого ящика стола и шорох бумаг. Это Надежда, их новый следователь, пыталась навести порядок в документах трёхмесячной давности. Двадцать четыре года, выпускница Академии, с ещё не выветрившимся идеализмом и привычкой смотреть на всех, кто старше её по званию, с благоговением. На Михаила она смотрела особенно внимательно, как музейный работник на редкий артефакт, который непонятно как здесь оказался, но выбросить жалко. Сегодня её каштановые волосы были собраны на затылке какой-то спицей — кажется, вязальной. Спица торчала из пучка под углом, делая её похожей на человека, который пытался изобразить китайскую причёску, но что-то пошло не так.

— Михаил Дмитриевич, а правда, что вы на прошлом допросе заставили подозреваемого сознаться, просто молча на него глядя двадцать минут? — спросила она, поднимая голову.

— Нет, неправда. Я смотрел на него девятнадцать минут, а на двадцатой он сам всё рассказал. Я даже чай допил спокойно. — Михаил покрутил термос в руках. — И перестань называть меня по отчеству, я не твой дедушка.

— А как мне вас называть?

— Можно просто «эй, ты». Или по имени. Или вообще никак. — Он пожал плечами. — Главное — не надо этих церемоний. У нас тут не царские палаты, Надя.

Надежда моргнула, полезла в карман пиджака и что-то быстро записала в маленьком блокнотике. Она делала это почти постоянно — записывала его фразы. Михаил знал, иногда замечал краем глаза, но не подавал виду. Пусть пишет. Может, издаст мемуары, когда его уволят за нарушение всех существующих протоколов.

За окном кабинета нутужно завывала сирена скорой помощи. Звук нарастал, достиг пика и начал стихать, удаляясь куда-то в сторону Профсоюзной. Москва жила своей обычной ноябрьской жизнью — кто-то рождался, кто-то умирал, кто-то просто стоял в пробке и ненавидел весь мир. Михаил иногда думал, что город — это гигантский живой механизм, в котором люди выполняют роль кровяных телец. Бегут по артериям улиц, останавливаются в лимфоузлах светофоров, погибают в раковых опухолях новостроек. И он, Михаил Россинский, был одним из лейкоцитов. Он убивал болезнь. Или хотя бы пытался.

Телефон на столе зазвонил резко, пронзительно, разрубив тишину кабинета на до и после. Михаил не шелохнулся. Он вообще не любил реагировать на звонки сразу — это, по его мнению, создавало у звонящего ложное ощущение важности. Он сделал ещё глоток чая, медленно завинтил крышку термоса, поставил его на стол и только потом снял трубку.

— Россинский слушает, — произнёс он в трубку. Его голос звучал ровно, без эмоций, как у человека, который уже заранее знает, что ничего хорошего ему не скажут.

В трубке послышался взволнованный голос дежурного. Говорил он быстро, сбивчиво, слова насккивали друг на друга, как пассажиры в час пик в метро:

— Михаил Дмитриевич, труп нашли. Южный округ, промзона, складской комплекс на улице Элеваторной. Ночной сторож. Камеры ничего не зафиксировали, но там такое... Странное всё. Полумесяц на стене какой-то. И звезда на лбу у жертвы. Кровью нарисована.

Пауза.

Михаил замер. На секунду перестал дышать. В висках застучало — размеренно, тяжело, как метроном, отсчитывающий время. Полумесяц. Звезда. Эти два слова ударили его с силой кувалды. Он знал эти слова. Он ненавидел эти слова всем своим существом.

— Выезжаю. Адрес скинь сообщением, — сказал он и положил трубку.

Пётр и Надежда смотрели на него. Что-то изменилось в воздухе. Надя ещё не понимала, что именно произошло, но уже чувствовала — случилось что-то важное. Петр, который знал Михаила дольше, заметил, как тот на мгновение сжал челюсти, а его глаза, обычно насмеш-

ливые или равнодушные, стали холодными, как стёкла в морозный день. Бабочкин отложил ноутбук в сторону и снял очки, протирая их краем рубашки — нервный жест.

— Что там? — осторожно спросил он.

— Убийство, — коротко ответил Михаил, вставая и снимая пальто со спинки стула. Движения его были резкими, но точными, как у человека, который внезапно проснулся от долгой спячки. — Южный округ. Склад. Сторож.

— И что? Сторожей часто убивают, — заметил Пётр, но что-то в его голосе уже дрогнуло. — Склады грабят, сторожа мешаются...

— Там полумесяц на стене, — перебил его Михаил, накидывая пальто. Сейчас, в этом длинном чёрном пальто, наброшенном поверх растянутого свитера и спортивных штанов, он выглядел почти театрально. Как персонаж какой-то мрачной пьесы. — И звезда из крови на лбу у трупа.

В кабинете стало тихо. Так тихо, что было слышно, как на улице капает вода с карниза. Пётр замер с очками в руке. Он знал. Он знал эту историю — старую, трёхлетней давности, о том, как погиб отец Михаила. Бывший следователь, легенда отдела, человек, который учил молодых оперативников работать по-настоящему. Его убили три года назад, и убийца так и не был найден. На месте преступления тогда тоже были полумесяц и звезда. И с тех пор — ни одного следа, ни одной зацепки. Дело постепенно ушло в «глухари», покрылось пылью, превратилось в одно из тех мрачных напоминаний о несовершенстве системы, которые старались не ворошить без особой нужды.

Надежда переводила взгляд с одного на другого. Она не понимала. Для неё это были просто слова — полумесяц, звезда, сторж. Она видела только, что её старшие коллеги внезапно превратились в сжатые пружины.

— Я не поняла, а что это значит? — тихо спросила она, машинально потрогав спичу в волосах.

— Это значит, что нашёл, — хриловато произнёс Михаил, уже стоя в дверях. Он не обернулся. — Пётр, едешь со мной. Надя, остаёшься здесь — это место преступления не для твоих блокнотиков.

— Но я следователь! — возмутилась она, вскакивая со стула. — Вы не можете меня не брать!

Михаил остановился в дверях и наконец обернулся. Его лицо было спокойным — слишком спокойным, неестественно спокойным, как у человека, который потратил годы на то, чтобы научиться прятать эмоции.

— Там будет кровь, — сказал он, глядя Наде в глаза. — Много крови. И это не просто убийство. Это... — Он запнулся, подбирая слово. — Это личное. Очень личное. И если ты хочешь быть полезной, оставайся здесь и будь на связи. Поднимешь старые дела из архива — те, что за двухтысячные, с пометкой «звезда» и «полумесяц». Всё, что найдёшь. Это будет твоя работа на сегодня.

Надя хотела возразить, но Пётр, уже накидывающий свою неизменную ветровку поверх клетчатой рубашки, бросил на неё взгляд, который яснее слов говорил: «Не спорь. Потом поймёшь».

Михаил уже шёл по коридору. Его шаги гулко отдавались в пустом пространстве, эхо металось между стен, обитых старыми деревянными панелями. Он миновал дверь кабинета Громова — та была приоткрыта, и оттуда доносился монотонный голос полковника, распекающего кого-то по телефону за несвоевременно сданный отчёт. Михаил прошёл мимо, не замедляя шага. Не сейчас. Сейчас не до отчётов.

На улице его встретил всё тот же серый ноябрь, та же морось, тот же пронизывающий ветер. Машина стояла на своём обычном месте — серебристая Хонда Аккорд седьмого поколе-

ния, доставшаяся от отца. Она уже была совершеннолетней, и выглядела она соответствующе. На заднем бампере — царапина от неудачной парковки. На переднем крыле — скол краски размером с монету, потертый лак на дверях. Лобовое стекло с небольшой трещиной в углу, которую Михаил всё никак не мог заклеить, хотя баллончик с герметиком валялся в бардачке уже полгода. Но для Михаила эта машина была священна. Отцовский запах, кажется, до сих пор жил в салоне — смесь табака, бензина и какой-то старой туалетной воды. Внутри царил творческий беспорядок: на пассажирском сиденье валялись папки с делами, на заднем — пустые пачки из-под сигарет, старые чеки с заправок и потрёпанный атлас автомобильных дорог, который отец возил с собой ещё в те времена, когда никто не слышал о навигаторах.

Михаил плюхнулся на водительское сиденье, привычным движением повернул ключ в замке зажигания. Двигатель завёлся не сразу — чихнул, закашлялся, но всё-таки ожил, заурчав с небольшой хрипотцой. Старушка Хонда, как всегда, капризничала, но не подводила. Пётр уже сел на пассажирское сиденье, предварительно сбросив папки на заднее.

— Ты уверен, что это он? — спросил Пётр, пристёгиваясь.

— Четыре года, — ответил Михаил, выруливая со стоянки. Дворники монотонно скрипели по лобовому стеклу, размазывая дождевую воду. — Четыре года тишины. Ни одного знака. Ни одной зацепки. И вот — полумесяц и звезда. — Он помолчал, глядя на дорогу. — Конечно, это он. Убийца отца.

Хонда влилась в поток машин. Москва тянулась вокруг бесконечными серыми кварталами, рекламными щитами с улыбающимися лицами, пробками на перекрёстках, людьми в тёмных пальто, спешащими по своим делам. Михаил смотрел на всё это и не видел. Его мысли были далеко — в том самом складе, куда он сейчас ехал, и ещё дальше, на три года назад, в тот день, когда ему сообщили о смерти отца.

— Миш, — осторожно начал Пётр, когда они уже выехали на Третье транспортное кольцо, — ты только... держи себя в руках, ладно? Я тебя знаю. Ты сейчас сорвёшься, начнёшь кидаться на всех, Громы потом...

— Я в порядке, — отрезал Михаил, и в его голосе прозвучала такая сталь, что Пётр немедленно замолчал.

Михаил вытащил из подстаканника помятый термос, зубами отвинтил крышку и сделал большой глоток зелёного чая. Чай был уже не обжигающе горячим, но всё ещё тёплым. Он согревал горло и, кажется, немного успокаивал нервы.

Промзона встретила их низкими серыми корпусами, ржавыми воротами и запахом солянки. Складской комплекс на Элеваторной улице представлял собой несколько массивных ангаров из гофрированного металла, окружённых бетонным забором с колючей проволокой поверху. У въезда уже стояли три полицейские машины, мигалки лениво переливались синим и красным, отражаясь в лужах, покрывавших асфальт. Здесь, на окраине, слякоть была ещё гуще — грязь мешалась с остатками снега, образуя жижу, в которой увязали ботинки. Воздух был пропитан влажностью и каким-то химическим запахом — то ли краски, то ли растворителя, доносившимся из соседних цехов.

Михаил припарковался прямо у шлагбаума, перегородив выезд. Плевать. Охрана всё равно никого не впускала и не выпускала. Он вышел из машины, захлопнул дверцу и на секунду замер, втягивая носом воздух. Пахло ноябрём, смертью и старыми секретами. Пётр выбрался следом, машинально прижимая к груди свой ноутбук.

— Бабочкин, иди смотреть камеры, — бросил Михаил, не оборачиваясь. — Всё, что есть. Каждую запись за последние сутки. Мне нужно знать, кто входил и выходил.

— Но там сказали, что камеры ничего не зафиксировали, — робко возразил Пётр.

— Вот именно поэтому ты их и посмотришь, — Михаил наконец обернулся и посмотрел на Петра. — Ничего не зафиксировали — это уже интересно. Как можно войти в склад, убить

человека и не попасть в объектив? Значит, либо камеры не работали, либо убийца знал, куда они смотрят. И то, и другое — зацепка. Давай, Петя, включай свой гениальный мозг.

Он двинулся в сторону ангара, возле которого сустились оперативники. На ходу достал сигарету, закурил, глубоко затянулся. Табачный дым смешался с холодным ноябрьским воздухом. У входа в ангар стоял молодой сержант — совсем мальчишка лет двадцати, с бледным лицом и испуганными глазами. Было видно, что он ещё не привык к виду смерти.

— Там, — выдавил он, кивая в глубину склада, когда Михаил показал удостоверение. — Это... это что-то ненормальное, товарищ следователь.

Михаил молча кивнул и шагнул внутрь. В ангаре было темно и холодно. Свет давали только несколько переносных ламп, расставленных криминалистами. Склад был заставлен ящиками, стеллажами, каким-то старым оборудованием, накрытым брезентом. Пахло пылью, железом и ещё чем-то сладковато-тошнотворным. Кровью.

Тело лежало на полу в дальней части ангара, у стены, на которой тускло блестел выцарапанный чем-то острым полумесяц. Неровный, но несомненно узнаваемый. Сторож — мужчина лет пятидесяти, в рабочей робе и старом ватнике — лежал на спине, широко раскинув руки. Его лицо было накрыто газетой — кто-то аккуратно положил сверху страницу «Вечерней Москвы». Но самое страшное было выше. На лбу, прямо на коже, багровела пятиконечная звезда. Её вывели пальцем, обмакнутым в кровь. Кровь уже подсохла, запеклась, став тёмно-коричневой, почти чёрной.

Михаил замер в нескольких шагах от тела. Сердце стучало где-то в горле. Он смотрел на звезду на лбу убитого, и перед глазами у него вставали совсем другие картины. Такие же звёзды. Такое же расположение тел. Три года назад. Кабинет отца. Опрокинутое кресло. И кровь. Много крови.

— Ну вот и всё, пап, — прошептал он одними губами. — Кажется, начинается.

Он подошёл ближе, игнорируя криминалиста, который пытался ему что-то сказать. Опустился на корточки перед телом. И тут его внимание привлекла ещё одна деталь. Рядом с телом, прямо на грязном бетонном полу, лежала фотография. Старая, пожелтевшая, с загнутыми уголками. Михаил осторожно, стараясь не повредить возможные улики, взял её кончиками пальцев и перевернул.

С фотографии на него смотрел отец. Молодой, улыбающийся, в форме капитана. Фотография была сделана лет двадцать назад, когда отец только начинал работать следователем. Михаил помнил этот снимок — он стоял в рамке на отцовском столе долгие годы, а потом пропал после похорон. Михаил думал, что его взял кто-то из родственников. Но теперь...

— Он был у него, — прошептал Михаил, ни к кому не обращаясь. — Все эти годы эта фотография была у Звездочёта.

Внутри всё сжалось. Хотелось кричать, крушить стены, разорвать голыми руками этот проклятый склад. Но Михаил заставил себя дышать. Медленно. Глубоко. Вдох — выдох. Он сунул фотографию в прозрачный пакет, который ему протянул один из криминалистов, и поднялся на ноги.

— Полумесяц на стене, — произнёс он вслух, теперь уже для окружающих. — Звезда из крови на лбу. Газета на лице. Фотография на месте. — Он обвёл взглядом присутствующих. — Это Звездочёт. Тот самый, из серии трёхлетней давности. Дело, которое считалось «глухарём», только что перестало таковым быть.

Криминалисты переглянулись. Кто-то из оперативников быстро застрочил в блокноте. В ангар вошёл Пётр — бледный как мел, стараясь не смотреть на тело.

— Камеры, — выдавил он. — Я проверил. Они все работали. Запись есть, и она... она странная.

— В чём странность? — Михаил повернулся к нему.

— В том, что камеры не зафиксировали никого, кто входил или выходил из ангара за последние двенадцать часов. Вообще никого. Даже сторожа, который должен был совершать обход. Сторож просто... появляется внутри ангара. Уже мёртвый.

Михаил закусил губу. Звездочёт знал систему. Знал, куда смотрят камеры, знал их слепые зоны. Он вошёл и вышел незамеченным. Это была не просто жестокость — это был вызов. Демонстрация силы. Послание.

И послание это было адресовано конкретно Михаилу Россинскому. Он понял это, когда взглянул на календарь на стене склада. Число. Сегодняшнее число. Три года назад в этот самый день убили его отца.

Совпадений не бывает. Звездочёт не просто вернулся. Он приглашал Михаила на охоту. Вернее, на игру. Игру, в которой один из них — охотник, а второй — жертва.

Михаил сжал кулаки и посмотрел в темноту ангара, туда, где на стене тускло блестел нацарапанный полумесяц. Где-то там, в глубине, ему почудилось движение. Нет, просто тень от лампы.

— Я принимаю правила, — тихо сказал он. — Я найду тебя.

И вышел из ангара, оставив позади смерть, загадки и холодный ноябрьский ветер, который завывал в щелях ржавого железа. Первая глава началась. Игра началась. И Михаил знал — пути назад уже нет.

Глава 2. Тени прошлого

Выезжая с территории складского комплекса, Михаил не проронил ни слова. Хонда, поскрипывая подвеской, переваливалась через выбоины в асфальте, которых здесь, на окраине промзоны, было больше, чем целых участков дороги. Дворники монотонно смахивали с лобового стекла мелкую морось, и этот ритмичный звук — вжух-вжух, вжух-вжух — действовал почти гипнотически. В салоне пахло табаком, старым пластиком и зелёным чаем из открытого термоса.

Пётр сидел на пассажирском сиденье, пристёгнутый, как примерный школьник, и молчал. Ему не нужно было слов, чтобы понимать, что сейчас происходит с Михаилом. Они работали вместе уже пятый год, и за это время Пётр успел выучить все оттенки его молчания. Это молчание было не просто тишиной. Это было молчание, наполненное до краёв густой, вязкой яростью, которую Михаил заливал внутрь себя, как бетон в опалубку. Пётр знал: когда-нибудь эта опалубка треснет. Но не сегодня. Сегодня Михаил держал себя в руках с той неестественной жёсткостью, которая пугала больше любой истерики.

— Ты в норме? — осторожно спросил Пётр, когда они выехали на более-менее ровную дорогу. Впереди показались первые жилые кварталы — серые панельные многоэтажки с тёмными окнами, похожие на гигантские соты, в которых спали ничего не подозревающие люди.

— В полном порядке, — голос Михаила прозвучал ровно. Слишком ровно. — Если не считать того, что серийный убийца, за которым я охочусь четыре года, только что прислал мне приглашение на танец, оставив фотографию моего мёртвого отца на месте убийства. Абсолютно, Петя, просто замечательно себя чувствую.

Пётр нервно поправил очки. Когда Михаил начинал говорить с таким подчёркнутым спокойствием, это означало, что внутри него сейчас бушует девятый вал. Он это уже видел — пару лет назад, на допросе наркоторговца, который убил семью из трёх человек. Тогда Михаил улыбался, пил чай, говорил почти ласково. А потом так прижал подозреваемого, что тот раскололся через пятнадцать минут. И вышел из допросной бледный как простыня, заикаясь и плача.

— Ты понимаешь, что это значит? — продолжил Михаил, не дожидаясь ответа. — Это значит, что он знает обо мне всё. Где я работаю. Кто я. Чем дышу. Он ждал именно сегодняшней даты, Петя. Сегодня ровно три года. Три года с того дня, как убили отца. И он знал, что я приеду на этот вызов. Знал, что дежурный передаст дело именно мне. Или...

Михаил осёкся на полуслове. Мысль, которая только что пришла ему в голову, была неприятной, как застарелая зубная боль, которую всё время откладываешь лечить.

— Или кто-то внутри системы направил звонок именно тебе, — закончил за него Пётр. — Ты же об этом подумал?

— Да. Именно об этом.

Машина притормозила на светофоре. Красный свет отражался в мокром асфальте, расплываясь кровавым пятном. Михаил посмотрел на своё отражение в боковом стекле — расчёпанные тёмные волосы, острые скулы, трёхдневная щетина на подбородке. И глаза. Глаза, которые сейчас были почти чёрными от расширенных зрачков.

— Фотография, Петя, — сказал он, снова трогаясь с места, когда загорелся зелёный. — Откуда она у него? Эта фотография стояла в рамке на столе у отца. После похорон она исчезла. Я думал, её забрала тётя Вера, когда помогала разбирать вещи. Но тётя Вера клялась, что не брала. А теперь фотография всплывает на месте убийства. Как она попала к Звездочёту?

— Может, он тогда же и забрал? — предположил Пётр. — В день убийства твоего отца?

— Нет. — Михаил мотнул головой. — Я помню тот день слишком хорошо. Я приехал на место через сорок минут после звонка. Криминалисты уже работали. Я лично осматривал кабинет. Рамка стояла на столе, но была пустой. Фотография исчезла до моего приезда. А это значит...

— Что убийца взял её с собой, — закончил Пётр. — Как трофей.

— Или как напоминание. Или как способ сделать мне больно спустя годы. — Михаил сжал руль так, что побелели костяшки пальцев. — Это не просто убийство, Петя. Это перформанс. Каждая деталь — часть сообщения. Газета на лице — чтобы скрыть личность жертвы, сделать сторожа не человеком, а просто декорацией. Звезда на лбу — его подпись. Полумесяц — его символ, который мы до сих пор не можем расшифровать. И фотография — личное послание. «Я помню о тебе, Михаил. Я всё ещё здесь. И я тебя жду».

Хонда свернула во двор отдела. Знакомое серое здание встретило их всё той же кривой табличкой и всё той же хлопающей дверью. Утро ещё даже не перевалило за середину, а Михаил уже чувствовал себя так, будто прожил целый день. Или целую жизнь.

В кабинете их ждала Надежда. Она сидела за столом, заваленным папками, и вид у неё был взволнованный до крайности. Спица, которая утром торчала в её пучке, теперь лежала на столе, а волосы были собраны в какой-то новый узел, стянутый обычной резинкой. Рядом со спицей лежал раскрытый блокнот, исписанный мелким почерком. Надя явно времени зря не теряла.

— Я подняла архивы, как вы просили, — выпалила она, как только Михаил и Пётр вошли в кабинет. — Дела с пометками «звезда» и «полумесяц». За последние десять лет. И знаете... их больше, чем мы думали.

Она пододвинула к себе одну из папок и открыла её — там лежали ксерокопии старых протоколов, фотографии с мест преступлений, пожелтевшие от времени, напечатанные на старом матричном принтере с характерными точками вместо цельных линий.

— Первое похожее убийство, которое мне удалось найти, произошло семь лет назад, — начала она, и её голос, обычно слегка дрожащий в присутствии Михаила, сейчас звучал уверенно и чётко. — В Зеленограде. Убит мужчина, сторож автобазы. На стене — царапина в форме полумесяца. На лбу — звезда, нарисованная краской, не кровью, но форма та же. Дело тогда списали на бытовое — мол, с кем-то из собутыльников повздорил. Убийцу не нашли. Дело закрыли через полгода и сдали в архив.

Она взяла вторую папку.

— Следующее — четыре с половиной года назад. Город Подольск. Убит охранник склада готовой продукции на мебельной фабрике. На стене — полумесяц, нацарапанный гвоздём. На лбу — звезда из крови. Дело также не раскрыто. Причина — недостаточность улик. Лежит в архиве с пометкой «приостановлено».

Михаил медленно снял пальто и повесил его на спинку стула. Подошёл к окну, за которым всё так же моросил бесконечный ноябрьский дождь. Скрестил руки на груди.

— Три года назад, — продолжила Надя, и её голос слегка дрогнул, — убийство в Москве. Жертва — следователь Дмитрий Андреевич Россинский. — Она запнулась на фамилии и подняла глаза на Михаила, но он продолжал смотреть в окно, неподвижный, как статуя. — Убит в собственном кабинете. На стене — полумесяц, вырезанный ножом прямо в штукатурке. На лбу — звезда из крови. Дело...

— Я знаю это дело, — тихо произнёс Михаил. — Я читал его столько раз, что могу пересказать каждую страницу наизусть. Что ещё?

Надя перелистнула страницу блокнота.

— Сегодняшнее убийство — четвёртое по счёту, которое соответствует почерку. Если это один и тот же человек, то он убивает с периодичностью примерно в три-четыре года. И все жертвы, кроме вашего отца... — она запнулась, пытаясь сформулировать, — все предыдущие

жертвы — сторожа или охранники. Простые люди. Не связанные между собой. Разные города, разные обстоятельства.

— А отец — не просто сторож, — закончил за неё Михаил. — Отец был следователем, который вёл дело о серийных убийствах. И кто-то очень не хотел, чтобы он его раскрыл. — Он повернулся от окна. — Надя, а теперь самое важное. Есть ли хоть одна зацепка, которая связывает эти убийства между собой? Кроме полумесяца и звезды?

Девушка закусила губу, пролистала свои записи.

— Есть, — неуверенно произнесла она. — Но она странная. Во всех случаях, включая сегодняшний, камеры наблюдения не зафиксировали убийцу. Ни в одном из дел нет ни одной записи, на которой был бы виден подозреваемый. Либо камеры были отключены, либо убийца умело обходил их. И ещё одно... — Она замялась. — Во всех четырёх случаях на месте преступления находили окурки. Одна и та же марка сигарет. «Кэмел» без фильтра.

Михаил резко выпрямился. Вот оно. То, что он искал.

— Окурки? Почему об этом не было в деле отца?

— Был, — возразила Надя. — Но его не стали приобщать к основным уликам, потому что на окурке не нашли следов ДНК. Сигарета была выкурена не до конца, но слюны на фильтре не обнаружили. Анализ показал, что тот, кто её курил, либо пользовался мундштуком, либо... стёр фильтр намеренно.

Михаил быстро подошёл к столу и взял одну из папок. Пролистал, нашёл фотографию с места убийства отца. В углу снимка действительно был виден окурки, лежащий на полу возле опрокинутого кресла. На снимке он был едва заметен — маленький белый цилиндр на фоне тёмного паркета.

— Пётр, — резко сказал Михаил, — смотрел камеры на складе. Успел заметить окурки?

Пётр, который всё это время сидел тихо и слушал, вздрогнул.

— Я не искал специально, но... кажется, что-то такое валялось у входа в ангар. Надо запросить у криминалистов полную опись.

— Звони. Прямо сейчас. — Михаил вытащил из кармана сигарету, потом вспомнил, что курить в кабинете запрещено, и сунул её обратно. — И ещё пробей по базам — марка «Кэмел» без фильтра. Кто покупает, где продаётся, может быть, есть какие-то специализированные точки. Если это его привычка, то он где-то их регулярно приобретает.

Пётр открыл ноутбук, и его пальцы забегали по клавиатуре с той невероятной скоростью, которая всегда поражала Михаила. Бабочкин был трусоват, боялся крови, паниковал при виде начальства, но когда дело касалось данных — он превращался в совершенно другого человека. Сосредоточенного, уверенного, почти нахального в своём стремлении добраться до истины.

— Я пробую, — сказал он, не поднимая глаз от экрана. — Но это может занять время. А у нас, если ты не забыл, есть ещё и основное дело. Те три женщины...

— Я помню, — оборвал его Михаил. — Но сейчас приоритет — Звездочёт. Три женщины никуда не денутся, их убийца, скорее всего, будет искать следующую жертву, и у нас есть время. А Звездочёт... он только что показал, что он здесь, в Москве, и он играет. Я не могу упустить этот след.

Дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге стоял полковник Илья Сергеевич Громов — высокий, грузный, с вечно суровым выражением лица, которое, казалось, было вырезано из дуба тем же инструментом, что и его характер. Он был в парадной форме, хотя по пятницам обычно ходил в гражданском. Видимо, сегодня планировалось что-то официальное.

— Россинский! — рявкнул он с порога. — Что за цирк ты устроил на складе? Мне уже доложили — приехал, всё перевернул, криминалистов распугал, фотографию какую-то увёз!

Михаил даже не обернулся. Он продолжал стоять у окна, глядя на серую Москву за стеклом.

— Во-первых, ничего я не переворачивал, — ответил он ровным голосом. — Во-вторых, криминалисты там взрослые люди, если они пугаются следователя с удостоверением, это их проблемы. В-третьих, фотография — вещественное доказательство. Она будет приобщена к делу.

— К какому делу? — Громов шагнул в кабинет, заполнив собой пространство. — Ты о чём?

— К делу об убийстве Дмитрия Россинского, — Михаил наконец повернулся и посмотрел на полковника в упор. — Тому самому, которое три года висит в «глухарях». И которое, как выяснилось сегодня, связано с убийством на Элеваторной улице.

В кабинете повисла напряжённая тишина. Громов перевёл взгляд с Михаила на Надю, с Нади на Петра, который сжался за своим ноутбуком, как мышь при виде кота. Полковник всегда относился к Михаилу с определённой долей уважения — за его мозги, за его хватку, за его способность раскрывать дела, на которых другие ставили крест. Но сейчас он явно был не в настроении для дискуссий.

— Ты понимаешь, что ты несёшь? — медленно произнёс Громов. — Ты хочешь сказать, что сегодняшнее убийство совершил тот же человек, что убил твоего отца? У тебя есть доказательства? Кроме фотографии, которую ты нашёл на месте?

— У меня есть почерк, — ответил Михаил. — Полумесяц, звезда. И теперь — окурок. В деле отца был такой же. Сегодня на складе, скорее всего, тоже найдётся. Это серия, Илья Сергеевич. И если мы сейчас не начнём действовать, следующего убийства придётся ждать ещё три года. Или меньше.

Громов задумался. Он прошёл к столу, взял одну из папок, пролистал. Потом другую. Его лицо оставалось непроницаемым, но Михаил знал — полковник уже просчитывает варианты. Плохой вариант: шумное дело о маньяке, которое может затянуться на годы и испортить отчётность. Хороший вариант: раскрытие громкой серии и повышение показателей. Громов был бюрократам до мозга костей, но он не был дураком.

— Хорошо, — наконец произнёс он, закрывая папку. — Ты можешь вести параллельное расследование по этому делу. Но основная работа — вот это. — Он постучал пальцем по столу. — Три женских трупа. Которые у нас уже есть. И по которым мне надо давать отчёт наверх. Ты слышишь меня, Россинский?

— Я слышу, — кивнул Михаил. — И я не собираюсь заваливать основное дело. Просто теперь у нас будет два фронта работы.

— Два фронта. — Громов усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — У тебя людей-то хватает на два фронта? Петька твой с базами, Надька, которая ещё вчера академию закончила, и ты сам — гений сыска, который даже форму носить отказывается?

— Я не отказываюсь. Мне просто в ней неудобно.

— Ладно. — Полковник махнул рукой. — Делай что хочешь. Но если через неделю у тебя не будет подвижек по женским убийствам, я отстраняю тебя от дела сторожа и передаю его другой группе. Всё понял?

Михаил ничего не ответил. Он просто смотрел на Громова с тем непроницаемым выражением, которое всегда раздражало начальство. Громов ещё несколько секунд сверлил его взглядом, потом крикнул что-то себе под нос и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

— Он не шутит, — тихо заметил Пётр, когда шаги полковника стихли в коридоре. — Через неделю — отстранение.

— Значит, у нас есть неделя, — пожал плечами Михаил. — Надя, что у тебя по убитым женщинам?

Надежда быстро переложила папки на столе и вытащила ту, что лежала с самого края — новую, ещё не затёртую, с документами, распечатанными на свежем принтере.

— Три жертвы за последние две недели. Первая — Анна Викторовна Ключева, тридцать два года. Найдена в собственной квартире, в ванной. Утоплена. На зеркале в ванной — надпись «Прости» губной помадой. Рядом с телом — маленькая фарфоровая фигурка ангела. Ангел белого цвета, крылья сложены за спиной, руки молитвенно прижаты к груди. Экспертиза говорит, что жертва была без сознания, когда её опустили в воду — в крови найдены следы сильнодействующего снотворного. На момент смерти Анна Ключева находилась в процессе развода. Муж — бизнесмен средней руки, подозревается в изменах, но алиби у него железное — он был в командировке, подтверждено билетами и записями с камер аэропорта.

— Вторая? — Михаил опёрся о подоконник, сложив руки на груди. Термос стоял рядом на столе, но он не притрагивался к нему — случай редкий.

— Вторая жертва — Елена Сергеевна Рогова, двадцать девять лет. Обнаружена в собственной машине, припаркованной у торгового центра «Рио» на Дмитровском шоссе. Причина смерти — удушение. Орудие — обычный шнурок, вероятно, от ботинка. Под сиденьем — фигурка ангела, на этот раз из дешёвого пластика. Такие продаются в церковных лавках, в отделах сувениров, где угодно. Елена Рогова развелась полгода назад, после развода — затяжная депрессия, лечилась у психотерапевта. В день смерти ездила в торговый центр за покупками, но домой не вернулась.

— Третья? — Михаил внимательно слушал, не перебивая, и это было заметно — обычно он вставлял комментарии после каждого второго предложения.

— Третья — Марина Олеговна Семёнова, тридцать пять лет. Найдена вчера утром в парке «Дубки», на скамейке. Выглядела как спящая — никаких следов насилия. Причина смерти — отравление цианидом, следы яда обнаружены в стаканчике из-под кофе, который лежал рядом в урне. Третья фигурка ангела — на этот раз деревянная, грубой резьбы, возможно, кустарной работы. В кармане пальто жертвы. Марина Семёнова — также в разводе, воспитывает сына семи лет. Мальчик в день убийства был у бабушки, поэтому не пострадал.

В кабинете наступило молчание. Пётр, не отрываясь от ноутбука, одновременно слушал и печатал. Надя ждала реакции. Михаил прошёлся по кабинету, заложив руки за спину. Три шага до двери, три обратно. Его спортивные штаны издавали едва слышный шелестящий звук при каждом шаге.

— Итак, что мы имеем? — произнёс он наконец. — Три женщины. Разный возраст, разные районы, разный способ убийства. Общее: все недавно разведены или находятся в процессе развода. Все убиты с определённой... заботой, я бы сказал. Утопление в ванной — почти интимная смерть. Удушение — быстрый, но близкий контакт. Отравление — самый «чистый» способ, без крови, без борьбы. И везде ангелы. Везде ощущение, что убийца считает себя их спасителем, а не палачом.

— Спасителем от чего? — спросила Надя, записывая что-то в свой блокнотик.

— От боли, — ответил Михаил. — От боли, которую они переживали из-за развода. «Прости» на зеркале — это извинение за то, что он делает. Фигурки ангелов — символ того, что он «забирает их души в лучший мир». Этот человек — не просто убийца. Он, скорее всего, искренне верит в свою миссию. Он не садист, он не получает удовольствия от страданий. Наоборот — он хочет избавить их от страданий. — Он взял паузу. — Вопрос в другом. Как он знакомится с ними? Где находит? И почему именно разведённые?

— Может, через соцсети? — предположил Пётр. — Сейчас полно групп для тех, кто пережил развод. Там люди делятся историями, ищут поддержки. Убийца мог войти в доверие, прикинуться понимающим слушателем.

— Хорошая версия, — кивнул Михаил. — Пробей соцсети всех трёх жертв. Посмотри, не пересекались ли они в одних и тех же группах, не было ли у них общих друзей или собеседников. Особое внимание — мужчины с закрытыми профилями, которые добавлялись к ним в последние пару месяцев.

— Это большой объём, — предупредил Пётр. — Может занять несколько дней.

— У тебя есть несколько дней. Но не больше. — Михаил наконец взял термос со стола и отвинтил крышку. Чай был уже едва тёплым, но он всё равно сделал глоток. — Надя, ты что думаешь? У тебя свежий взгляд.

Девушка смутилась от неожиданного вопроса, но быстро собралась.

— Мне кажется, мы упускаем одну важную деталь, — сказала она, заглядывая в блокнот. — Вы сказали, убийца входит в доверие. Но как он делает это физически? Должен быть контакт. Реальный. Он должен был где-то встречаться с ними, разговаривать, возможно, даже провожать домой. Если бы это были только соцсети, риск был бы выше — можно нарваться на фейковый аккаунт, на чужого человека, на ловушку полиции. Он должен был их видеть. Слышать их голоса.

— Верно, — кивнул Михаил. — Поэтому, скорее всего, соцсети — это первый этап. А второй этап — реальная встреча. Может, кафе. Может, прогулка. Может, он предлагал подвезти их куда-то.

— Такси? — робко предположила Надя.

— Возможно. — Михаил задумчиво кивнул. — Или ещё что-то в этом роде. Пётр, когда будешь проверять соцсети, посмотри также историю их заказов в такси. Может, совпадают водители. Может, один и тот же человек подвозил их в разное время.

— Это надо пробивать через службы такси, — Петр поднял взгляд от ноутбука. — Нужны официальные запросы.

— Так делай запросы, — пожал плечами Михаил. — У тебя полномочия есть. Подписывай у Громова, он сейчас в благодушном настроении — ещё час, и он пойдёт обедать в свой рыбный ресторан. Если успеешь подсунуть ему бумаги до обеда, подпишет не глядя.

Пётр посмотрел на часы и быстро защёлкал клавишами, составляя запросы. Михаил тем временем подошёл к стене, на которой висела большая карта Москвы. Взял со стола три красных маркера и начал отмечать адреса убитых женщин. Квартира на Юго-Западе — первая жертва. Торговый центр на Дмитровке — вторая. Парк «Дубки» — третья.

— Точки не совпадают, — пробормотал он. — Разбросаны по всему городу. Никакой географической логики. Значит, он не привязан к району. Значит, он выбирает жертв не по месту жительства, а по каким-то другим критериям. — Он шагнул назад, разглядывая карту, как генерал перед сражением. — Пётр, проверь ещё одну вещь. Эти три женщины — они где-то работали? Может, у них был общий маршрут? Общие места?

— Сделаю, — кивнул Пётр, не отрываясь от клавиатуры.

В кабинете на время установилась рабочая тишина, нарушаемая только стуком клавиш ноутбука да редким шорохом бумаг, которые перебирала Надя. Михаил стоял у карты, вглядываясь в красные точки, словно надеялся, что они сами собой сложатся в какую-то осмысленную картину. Но карта молчала. Москва хранила свои тайны крепко, как старый сундук с ржавым замком.

— Михаил Дмитриевич, — Надя осмелилась нарушить тишину, — а что насчёт окурка? Если Звездочёт курит «Кэмел», это же важная зацепка. Может, нам стоит проверить все места, где продаются эти сигареты? Особенно в районе промзон и складов?

— Проверим, — кивнул Михаил. — Но это как искать иголку в стоге сена. «Кэмел» без фильтра — не самая редкая марка. Их продают в каждом втором ларьке. А Звездочёт — не дурак, он не будет покупать их в одном и том же месте. Скорее всего, он вообще не курит в обычной жизни. Окурочек — это тоже часть ритуала. Он оставляет его специально. Как визитную карточку. Как послание.

— Послание о чём?

— О том, что он был здесь. Что он не боится оставлять следы. Потому что знает — мы всё равно ничего не найдём. — Михаил сжал термос в руке. — Это психологическое давление. Он хочет, чтобы мы знали о его присутствии, но ничего не могли с этим сделать. Это часть игры.

Телефон на столе зазвонил. На этот раз Михаил взял трубку без задержки. Звонили из лаборатории.

— Россинский? Это Василий из криминалистики, — раздался в трубке хриловатый голос. — Мы закончили с местом на складе. Подтверждаю: окурочек «Кэмел» без фильтра, на фильтре слюны нет, только следы пепла. Полумесяц нацарапан обычным гвоздём. Звезда на лбу — кровь жертвы. И ещё одна деталь, которая тебя заинтересует. На газете, которой было накрыто лицо сторожа, мы нашли микроскопические частицы масла. Масло техническое, машинное. Не с места убийства.

— Техническое масло? — переспросил Михаил.

— Да. Такое используют для смазки промышленного оборудования. Или автомобильных деталей. И вот ещё что — на обуви жертвы тоже есть следы этого масла. Как будто он незадолго до смерти ходил по помещению, где этим маслом был залит пол.

— Спасибо, Василий, — Михаил положил трубку и замер на мгновение, переваривая информацию. Потом повернулся к команде. — Техническое масло на газете и на обуви жертвы. Убийца принёс газету с собой из какого-то другого места, где есть промышленное оборудование или автомобили. Сторож ходил по тому же маслу. Это значит...

— Что убийца какое-то время провёл где-то в гараже или мастерской, прежде чем прийти на склад, — закончила за него Надя. — Или что он там живёт.

— Или что это его работа, — добавил Пётр. — Автомеханик, слесарь, кто-то, кто работает с техникой.

— Либо он специально заманил туда сторожа перед убийством, — сказал Михаил. — Сторож идёт на звук, видит что-то подозрительное, заходит в помещение, где пол залит маслом. Там его уже ждут. Оглушают. Потом переносят на склад и ритуально оформляют убийство. Газета с частицами масла остаётся на лице. — Он прищурился. — Это значит, что рядом со складом или по пути к нему есть какое-то техническое помещение. Пётр, пробей все автосервисы, гаражи, мастерские в радиусе километра от Элеваторной улицы.

— Сделаю, — кивнул Пётр.

Михаил допил чай, завинтил термос и положил его в портфель. Сегодняшний день только начинался, а он уже чувствовал, как внутри него разгорается тот холодный, расчётливый азарт, который всегда появлялся, когда дело начинало обрастать деталями. Два убийцы. Два разных почерка. Две параллельные линии расследования. И обе ведут в темноту, из которой ещё никто не возвращался с ответами.

Но Михаил Россинский не собирался возвращаться без ответов. Никогда.

— Так, — сказал он, вставая. — Работаем. Пётр — базы, запросы, соцсети. Надя — архив, контакты с другими отделами. Я еду в морг к судмедэксперту. Хочу посмотреть на тела и переговорить с человеком, который их вскрывал. Встречаемся здесь через три часа. У кого что появится — сразу звонить. Вопросы?

Вопросов не было. Пётр уже ушёл в экран ноутбука, Надя схватилась за телефонную трубку, чтобы обзванивать архивы. Михаил накинул пальто, взял портфель и двинулся к двери.

— И ещё кое-что, — добавил он, обернувшись на пороге. — Если кто-то из вас заметит что-то странное — любое, даже мельчайшее — сразу сообщайте. Мы имеем дело с людьми, которые не хотят, чтобы их нашли. Один из них — сумасшедший спаситель ангелов. Второй — расчётливый хищник, который знает меня лично. Оба опасны. Оба на свободе. Оба — где-то здесь, в этом городе.

Он вышел в коридор, и его шаги стихли в направлении лестницы. За окнами кабинета продолжал моросить бесконечный ноябрьский дождь, а где-то там, в сердце Москвы, два убийцы продолжали свою охоту, не подозревая, что за ними тоже начали охотиться.

Глава 3. Те, кто говорит с мёртвыми

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.